УДК 821.112.2

2020.01.013. СОКОЛОВА Е.В. ТОМАС БЕРНХАРД (1931–1989) И ЛЮДВИГ ВИТГЕНШТЕЙН (1889–1951) В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ. (Обзор).

Ключевые слова: литература Австрии XX в.; философия Австрии XX в.; литература и философия; Людвиг Витгенштейн; Томас Бернхард.

Мартин Клибс из Университета Орегона (Юджин, США) в монографии об отражении образа Людвига Витгенштейна и воплощении его взглядов в современном литературном романе [1] сосредоточивает внимание на четырех европейских писателях XX–XXI вв. Это немецкий историк литературы и писатель В.Г. Зебальд (1944–2001); французский математик-писатель Жак Рубо (р. 1932); писатель и предприниматель из Баварии Эрнст-Вильгельм Хендлер (р. 1953), а также австрийский писатель и драматург Томас Бернхард (1931–1989), который становится для М. Клибса отправной точкой и дает основу дальнейшим наблюдениям и рассуждениям.

Фигура философа, как и его мысли, красной нитью проходят не только через творчества Томаса Бернхарда, подчеркивает М. Клибс, но и через его жизнь (известна многолетняя дружба с племянником философа Паулем, описанная в «документальной» повести «Племянник Витгенштейна»). Писатель называет Витгенштейна «величайшим из австрийцев» и ставит в один ряд с А. Штифтером (1805–1868), признанной вершиной австрийской литературы, подчеркивает, что «в случае Витгенштейна мы имеем дело с умом насквозь поэтическим, хотя и философским, иными словами, вовсе не с философом»[1] .

Далее в процитированном письме Бернхард, решительно отклоняя просьбу доктора Хильды Шпиль написать «что-нибудь о Витгенштейне» для журнала «Ver Sacrum», едва ли не отождествляет с философом себя самого: «Меня словно принуждают писать о себе самом (высказывать суждения!), но этого не будет…» – и, сам

© Соколова Е.В., 2020.

[1] См. письмо Томаса Бернхарда доктору Хильде Шпиль в ответ на просьбу написать «что-нибудь о Витгенштейне» для журнала: Bernhard Th. Der Wahrheit auf der Spur: Reden, Leserbriefe, Interviews, Feuilletons / Hrsg. von Bayer W., Felligerund R., Huber M. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2011. – S. 81–84.

как будто бы испугавшись такого если не отождествления, то несомненного «тожества»[1], продолжает: ему, мол, неизвестно, возможно ли для него в принципе «на мгновение стать Витгенштейном, не разрушив при этом ни его, ни себя»[2]. За дальнейшими разъяснениями об исключительности места, занимаемого Витгенштейном в австрийской культуре («В. …сочетает в себе чистоту Штифтера с ясностью Канта <…> и сегодня для нас он стал тем, чего не получили мы от немца Новалиса»), следует парадоксальная констатация: «В. – это вопрос, на который невозможно ответить, – и он единственный остается на уровне, где ответы (ответ) устранены»[3].

По М. Клибсу, это наблюдение подталкивает Томаса Бернхарда к усилию прямо противоположному – сильнее, чем изящное применение к «Этическому» императива о молчании, завершающего «Логико-философский трактат», к работе с перманентной угрозой неразличимости смысла (невысказываемости его, недоступности для понимания). К работе, которая, в конечном счете, центрирует всю его писательскую деятельность.

Если обоснованность «вопроса» как такового постоянно ставится под вопрос, едва ли есть смысл ожидать обоснованности от ответов. В этом, считает М. Клибс, кроется корень отмечаемого многими исследователями у Бернхарда «опускания имен» (name dropping), отсюда – «призывание» (своего) Витгенштейна в качестве сигнификатора проблемы вместо обращения к теоретическому дискурсивному контексту. Иными словами, «своего» Витгенштейна Томас Бернхард не привлекает к философским спорам. Вызов, который его художественная проза несет философскому дискурсу, коренится в другом: выявляется тенденция к уплощению, выхолащиванию философских принципов (как и означающих их имен) в пространствах литературного письма за счет «отвязывания» [1, с. 8] их от каких бы то ни было глубинных структур, по умолчанию обеспечиваемых традиционными институтами. При этом, хотя не-

[1] Бибихин В.В. Витгенштейн: Смена аспекта. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – С. 223–242.

[2] Bernhard Th. Der Wahrheit auf der Spur: Reden, Leserbriefe, Interviews, Feuilletons / Hrsg. von Bayer W., Felligerund R., Huber M. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2011. – S. 83.

[3] Ibid. – S. 84.

четкость контуров «языковой игры» пронизывает весь бернхардовский текст, затрудняя, в частности, жанровое определение его прозы[1], трансгрессивный характер жанровой природы как таковой в конечном счете позволяет прагматически классифицировать его прозаические тексты как романы.

Словно развивая мысль М. Клибса, Элиас Циммерман из Университета Гумбольдта (Берлин) в статье [5] утверждает, что в романе «Корректура» (1975) Бернхард во многом полемизирует с представлениями «позднего» Витгенштейна о полной непроницаемости границы между внутренней сутью и внешним выражением языковых (и не только) феноменов, – причем полемизирует «физиогномическими средствами».

Автор статьи отмечает, что в «Философских исследованиях» (1953) Витгенштейна физиогномика (истолкование черт лица, очертаний тела) метафоризирует непроницаемость границы между внутренней сущностью и внешним выражением языка, Бернхард же в «Корректуре» противопоставляет концепции непроницаемости специфическую организацию архитектурного пространства: его протагонист Ройтхамер осознанно борется с «витгенштейновскими границами» выразимого. Оба текста, по Э. Циммерману, в определенном смысле отражают к тому же многовековые споры о физиогномике, ее месте в науке и культуре, реконструируют «физиогномическое мышление» как по-прежнему осмысленный герменевтический инструмент, пусть и не лишенный противоречий.

Людвиг Витгенштейн обращается к физиогномике на исходе двухсотлетнего периода развенчания ее притязаний научным дискурсом, указывает Э. Циммерман, и уже не просто как к одному из инструментов герменевтики. В поздних его сочинениях физиогномика сигнифицирует неотделимую от нее самой проблему обоснованности притязаний на способность выражать невыразимое через пространственную метафору. Автор статьи видит в физиогномике человека метафору витгенштейновской семиотики. «Человеческое тело (языковой знак) хотя и является наилучшим образом души (его значение), однако (именно поэтому) не может быть расшифровано» [5, с. 7].

[1] См. об этом, напр.: Новикова С.Ю. Автобиографические повести Томаса Бернхарда: проблематика и поэтика. – СПб., 2018.

Томас Бернхард, по Э. Циммерману, подхватывает противоречивую физиогномику Витгенштейна и переводит ее «обратно»: метафорические концепции пространства в романе «Корректура» смещаются, фокусируясь в проблемных пространственных конфигурациях. Для его протагониста Ройтхамера физиогномика – не просто техника чтения, но условие продуктивности собственных архитектурных усилий. То обстоятельство, что Ройтхамер читал Витгенштейна и отчасти идентифицирует себя с ним, сообщает его собственному «физиогномическому предприятию» [5, с. 8] черты настойчивого стремления вырваться из витгенштейновской семиотической апории. Именно в попытке опровергнуть представление Витгенштейна о невозможности выразить «личное внутреннее» средствами «публичного внешнего» [5, с. 7] Ройтхамер строит свою пространственную конфигурацию (дом-конус) со «смертоносной», как выяснится, последовательностью.

«Внутреннее конуса подобно сущности моей сестры, внешнее – подобно ее внешности, а все ее существо в целом подобно сущности конуса, причем внутреннее и внешнее самого конуса в той же мере неотделимы друг от друга, как внутреннее и внешнее моей сестры, именно непрестанное наблюдение за сестрой, как и непрестанное наблюдение за конструированием конуса, привело к тому результату, что стоит теперь посреди Кобернаусского леса»[1].

Ройтхамер берется еще и за литературный проект – рукопись о семейной резиденции Альтензам, строительстве дома-конуса, своем детстве. Его литературный труд также истолковывается Э. Циммерманом как опыт физиогномического подхода. Поверхность (внешняя сторона) конуса характеризуется через сравнение с другим зданием – фамильной резиденцией Альтензам.

После смерти сестры протагонист вносит в труд исправления. В третьей редакции 800-страничная рукопись сокращена до 80 страниц. Продолжение подобного рода корректуры (процесса, давшего название роману) привело бы к полному уничтожению текста, чему, однако – смертью Ройтхамера – положен конец. Вместо окончательного «исправления» рукописи он производит «единст-

[1] Bernhard Th. Korrektur. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp Taschenbuch, 1988. – S. 190.

венное важное исправление»[1]: совершает самоубийство (похоронив сестру, вешается в лесу на просеке).

К роману «Корректура», в котором интертекстуальные связи текста Бернхарда с представлениями Витгенштейна особенно отчетливы [2, с. 298], и к способам интерпретации в нем идей философа обращается в соответствующей главе монографии [2] и в статье [3] отечественная исследовательница В.В. Котелевская. В центре ее внимания – главный пространственный образ романа: дом-конус, который строит протагонист, воплощая собственные философские и архитектурные представления. Романный дом-конус сопоставляется с реальным Домом Витгенштейна, совместным проектом философа и архитектора Энгельмана.

Витгенштейну близка была идея об экзистенциальной нераздельности созерцания (theoria, воззрения) и зрения, о том, что, моделируя мир, каждый раз создаешь его (и себя) заново: «Только не нужно заботиться о том, что уже однажды написано. Всегда начинать мыслить начисто, будто еще ничего не произошло»[2] [пер. цит. по: 2, с. 299]. С середины 1920-х годов строительство является для философа одной из исходных моделей (наряду с шахматами). С 1926 г. берет начало «архитектурно-эстетическое воплощение духовного Я («Eines selbst») Витгенштейна» [2, с. 300]: он участвует в строительстве дома на Кундмангассе для своей сестры Маргарет Стонборо. Проект заказан другу семьи архитектору Паулю Энгельману, ученику Адольфа Лооса, Людвиг Витгенштейн разработал весь дизайн этого дома.

Двухчастная композиция романа «Корректура», «увековечившего на свой гротесковый лад притягательную человечность жизнестроительства и обнажившего “голый логицизм” (В. Гропиус) конструктивистских утопий» [там же], раскрывает подготовленному читателю «Витгенштейна I и Витгенштейна II», раннего и позднего, «созидание и самокритику логико-философского здания» [2, с. 301].

Идеал «ясности» как логически точного описания себя и мира (из раннего «Логико-философского» трактата Витгенштейна),

[1] Bernhard Th. Korrektur. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp Taschenbuch, 1988. – S. 286.

[2] Wittgenstein L. Tagebücher 1914–1916 // Wittgenstein L. Werkausgabe. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1984. – Bd. 1. – S. 120.

которому следует Ройтхамер в своем архитектурном, как и в литературном, проекте, «наталкивается на герменевтическую проблему невозможности окончательного текста: слова, понятия лгут, всякий текст требует бесконечной правки, самоистолкование безнадежно удаляется от действительно подлинного Я» [2, с. 301]. В отличие от большинства других персонажей Бернхарда, которые отваживаются лишь на фрагментарные заметки, а работу над главным литературным трудом постоянно откладывают, Ройтхамер доводит до воплощения оба проекта – литературный и архитектурный, – однако результаты оказываются смертоносны: смерть сестры, собственное самоубийство.

Бесконечные сомнения в своем тексте, присущие протагонистам Бернхарда, характерны также для Людвига Витгенштейна, особенно «позднего». В.В. Котелевская иллюстрирует это цитатой из письма философа в 1945 г. к Норману Малкольму о завершенной недавно рукописи «Философских исследований»[1], первое издание которой осуществится лишь в 1953 г., и указывает на общее свойство философии Витгенштейна и поэтики Бернхарда – порождение письма как критики языка. «Скептицизм движет резонерами Бернхарда, из произведения в произведение нарекающими все устойчивое и уже названное “так называемым” (“sogenannt”)» [2, с. 302].

Осмысливая феномен несомненного «присвоения» Бернхардом Витгенштейна («мой Витгенштейн») в «Корректуре», В.В. Котелевская подчеркивает, что «Витгенштейн вошел в его (*Бернхарда. – Е.С.*) художественный мир целостно, интуитивно-иррационально: всем своим маргинальным жизненным обликом, направлением своих философско-лингвитических поисков, поворотными событиями (разрыв с родной Австрией и окончательное укоренение в Кембридже, который так и не стал для него “своим”, проектирование-строительство дома на Кундмангассе, учительство и опыт аскетического уединения). Личность Витгенштейна угадывается в ключевых персонажах Бернхарда» [2, с. 304]. В заметке о

[1] «Моя книга постепенно приобретает свою окончательную форму… Возможно, она разочарует тебя. Сказать по правде, она и впрямь паршивая. (Это не значит, что я смог бы каким-то образом существенно улучшить ее, если бы работал над ней еще 100 лет.)» (Людвиг Витгенштейн: Человек и мыслитель. – М., 1993. – С. 48.)

«Корректуре» Бернхард так интерпретирует своего протагониста: «Кто такой Ройтхамер, математик, физик? Он не Витгенштейн, но он – Витгенштейн»[1] [цит. по: 2, с. 303], – вновь, в логике языкового скепсиса, выдвигая вперед границу тождества / растождествления персонажа и прототипа, знака и означаемого, имени и предмета и представляя эту границу подвижной.

Один из редакторов-составителей критического издания сочинений Томаса Бернхарда, включающего роман «Корректура»[2] (т. 4) Мартин Хубер также подчеркивает в статье [4], что Ройтхамер наделен несомненными чертами Людвига Витгенштейна. Более того, все действие романа «Корректура» разворачивается в пространстве отождествления / растождествления протагониста с философом. Так, Ройтхамер прямо заявляет, что любит читать Витгенштейна, «поскольку, как ему кажется, узнает в нем себя»[3]. К тому же, подобно Витгенштейну, Ройтхамер «16 лет провел в Англии <…> в Кембридже»[4]; распорядился «внезапно свалившимся на него наследством» и занялся строительством дома для своей сестры («посреди Кобернаусского леса»[5]), причем между его жилым конусом и реальным Домом Витгенштейна на Кундмангассе можно провести целый ряд аналогий. Но еще более, чем очевидные параллели между двумя строениями, М. Хуберу важен смысл специфических модификаций, которым Бернхард подвергает исходный материал. Редукцию формы, имевшую место в реальном Доме Витгенштейна, Бернхард довел до абсолюта: дом превратился в геометрическое тело. Процесс корректуры при таком прочтении представляет «апофеоз строительства» (Х. Хёллер), отражая собственные «строительные проекты» Бернхарда: будь то квадратный двор в Обернатале, Община Ольсдорф, или дом в Оттнанге с видом на замок Вольфсэгг («Изничтожение»).

Для самого Ройтхамера дом-конус по смыслу противоположен семейной резиденции Альтензам и означает попытку добиться

[1] Bernhard Th. Werke.–1. Aufl. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2005. – Bd. 4. – S. 338.

[2] Bernhard Th. Korrektur // Bernhard Th. Werke / Hrsg. von Huber M., Schmidt-Dengker W. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2005. – Bd. 4. – S. 1–380.

[3] Ibid. – S. 57.

[4] Ibid. – S. 8.

[5] Ibid. – S. 17.

счастья для сестры (пусть и принуждением) через сосредоточение совмещенных усилий науки, искусства и философии. «Когда она впервые увидит конус, она должна испытать счастье, говорил Ройтхамер, должна испытать счастье, и точка»[1]. И хотя вопрос о причинно-следственной связи смерти сестры со строительством конуса в «Корректуре» окончательно не прояснен, эксперимент с «принуждением к счастью», во всяком случае, можно считать провалившимся. Осмысление протагонистом смерти сестры как наивысшего для нее счастья выглядит не более чем искусственной мысленной конструкцией, помогающей ускользнуть от осознания полного провала. Собственное его самоубийство прочитывается как знак несостоятельности конструкции, а последнюю попытку придать ей устойчивость и законность представляет собой именно «корректура»: отчаянное усилие придать смысл тому, что более не имеет смысла.

Существенное отличие вымышленной фигуры Ройтхамера от реального Витгенштейна с его философскими представлениями М. Хубер видит именно в этом. Если «пуантой» «Логико-философского трактата» остается отделение того, что поддается высказыванию (возможному только на языке науки), от не высказываемого в принципе, то роман Томаса Бернхарда «Корректура», оставаясь высказыванием, текстом, эту невозможность в каком-то смысле преодолевает – предъявив ее как художественное целое, – и тем самым полемизирует с «ранним» Витгенштейном «Трактата…».

Список литературы

1. Клибс М. Томас Бернхард: заголовки // Клибс М. Витгенштейновский роман. Klebes M. Thomas Bermhard: Überschriften // Klebes M. Wittgenstein's novels. – N.Y.: Routlege, 2006. – P. 49–88.
2. Котелевская В.В. «Корректура»: от абсолютного текста к экзистенциалному проекту (Бернхард и Витгенштейн) // Котелевская В.В. Томас Бернхард и модернистский метароман: монография. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2018. – С. 298–323.
3. Котелевская В.В. Дом Витгенштейна – Бернхарда: хождение туда и обратно // Логос. – М., 2017. – № 6 (121) – С. 257–287.

[1] Bernhard Th. Korrektur // Bernhard Th. Werke / Hrsg. von Huber M., Schmidt-Dengker W. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2005. – Bd. 4. – S. 197.

4. Хубер М. «Ройтхамер – это не Витгенштейн, но он Витгенштейн»: О присутствии философа в творчестве Томаса Бернхарда.
Huber M. «Roithammer ist nicht Wittgestein, aber er ist Wittgenstein». Zur Präsenz des Philosophen bei Thomas Bernhard / Kastenberger K., Liessmann K.P. (Hrsg.) // Profile, 11. Der Dichter und das Denken. Wechselspiele zwischen Literatur und Philosophie. – Wien: Zsolnay-Verlag, 2004. – S. 139–157.
5. Циммерман Э. Безвыходность архитектуры. Физиогномические пространства в «Корректуре» (1975) Томаса Бернхарда и поздней философии Людвига Витгенштейна.
Zimmermann E. Aporetische Architekturen. Der physiognomische Raum in Thomas Bernhards «Korrektur» (1975) und in der späten Philosophie Ludwig Wittgensteins // Studia austriaca. – 2015. – Vol. 23 – P. 5–36. – Mode of access: https://www.researchgate. net/publication/307704024_Aporetische_Architekturen_Der_physiognomische_Raum_in_Thomas_Bernhards_Korrektur_1975_und_in_der_spaten_Philosophie_Ludwig_Wittgensteins

ЛИТЕРАТУРА И ОБЩЕСТВО

УДК 82
2020.01.014. КРАСАВЧЕНКО Т.Н. СИНКЛЕР ЛЬЮИС И ЕГО АМЕРИКАНСКАЯ АНТИУТОПИЯ «У НАС ЭТО НЕВОЗМОЖНО». (Статья).

Ключевые слова: американская литература; антиутопия; политический роман.

Американский писатель, лауреат Нобелевской премии (1930) Синклер Льюис (1885–1951) стал широко известен после публикации романа «Главная улица» (1920) – о жизни его родного городка Соук-Сентер (штат Миннесота), расположенного на американском Среднем Западе (в романе он назван Гофер-Прери). В прологе к роману Льюис заметил, что его Главная улица – продолжение Главной улицы любого американского городка. Роман развеял традиционный «розовый» миф об американской провинции, представленный в бестселлерах популярных в то время в США писателей, в частности не раз получавшего престижную Пулитцеровскую премию Бута Таркингтона (1869–1946). В бестселлере Мередита Николсона (1866–1947) «Долина демократии» (1918) американская провинция изображена как царство добродетели и «колыбель сво-

© Красавченко Т.Н., 2020.